

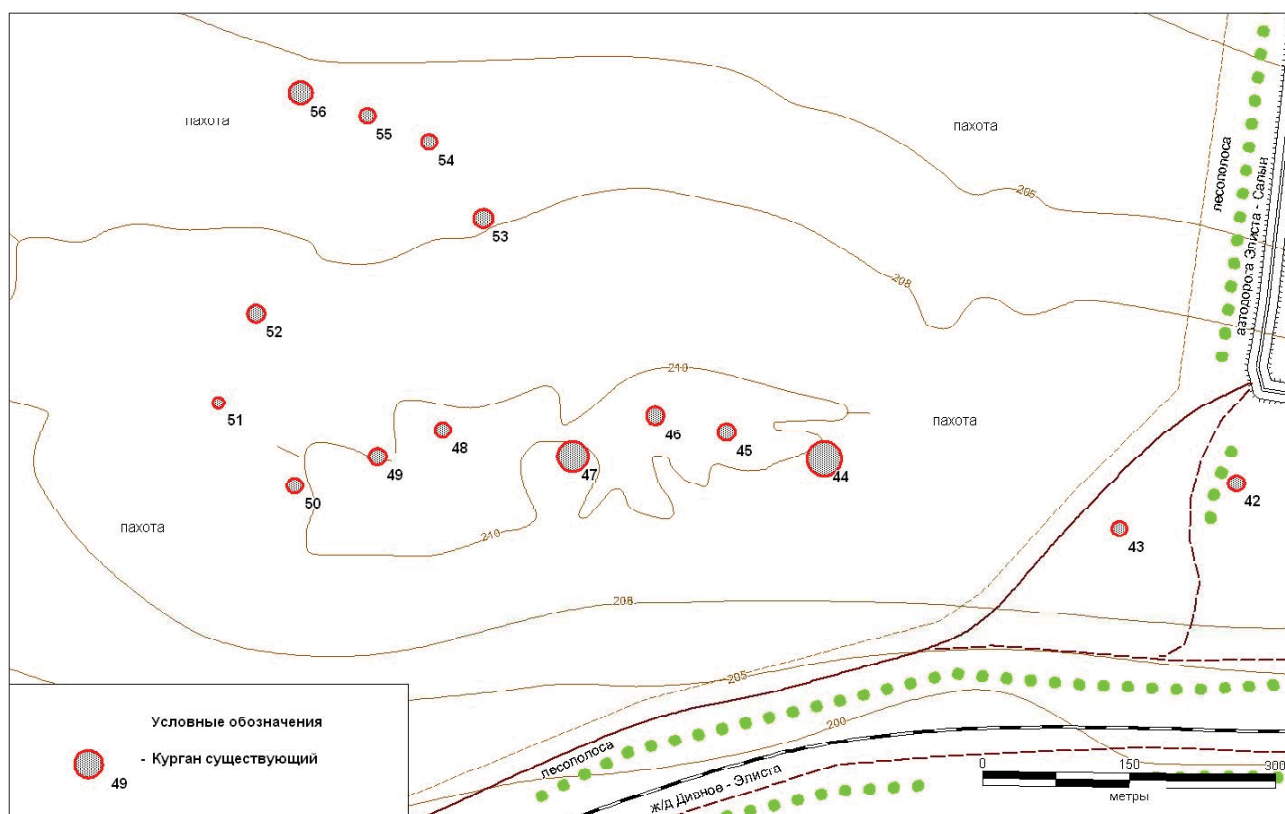

Рис. 5. План западного участка курганного могильника «Элистинский» между курганами №№ 42–56

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // Труды КНИИЯЛИ и КРКМ. Вып. 3. Элиста, 1971. 143 с.
2. Методика полевых археологических исследований // Институт археологии РАН. Л.: Наука, 1989. 104 с.

3. Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации // Институт археологии РАН. М., 2006. 32 с.
4. Цуцкин Е.В. Некоторые направления космической археологии // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 114–133.

ББК 94 (470.47)

МАНЖИ-ЯЛБО И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПРАВЯЩЕМ ДОМЕ ТОРГУТОВ В НАЧАЛЕ 60-х гг. XVII в.

В.Т. Тенкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории волжских калмыков в начале 60-х гг. XVII века. В результате кратковременной борьбы за власть в правящем доме торгутов Манжи-Ялбо потерпел поражение, а калмыцкое общество приобрело сильного правителя в лице Мончака, опиравшегося на поддержку большинства народных масс и российского правительства.

Ключевые слова: XVII век, междоусобица, калмыки, Дайчин, Манжи-Ялбо, Мончак, хошуты, дербеты, торгуты.

The article is devoted to one of turning-points in the history of the Volga Kalmyks in the beginning of 60th of the XVIIth century. Following a short-term struggle for rule in Torgut ruling house Manzhi-Yalbo has suffered a defeat, and the Kalmyk society has got a strong governor in Monchak, supported by the majority of the people and the Russian government.

Keywords: The XVIIth century, civil strife, Kalmyks, Daychin, Manzhi-Yalbo, Monchak, Khoshuts, Derbets, Torguts.

Манжи-Ялбо приходился старшим сыном покойному Даян-Эрке (1916–1944 гг.), на которо-

го, как известно, в свое время возлагал большие надежды Дайчин. В сентябре 1644 г. Даян-Эрке

при загадочных обстоятельствах умирает, что вызывает множественные слухи в калмыцких улусах и версии его преждевременной кончины в историографии. Соответственно, если бы он был жив, то власть в торгутском доме принадлежала ему после Дайчина. В историографии утвердилось мнение, что Аюка, старший сын Мончака, был любимым внуком деда Дайчина. Но, судя по русским документам, видно, как трепетно Дайчин относился и к своему первому внуку от старшего сына.

30 марта 1657 г. Мончак и Манжи-Ялбо совместно шертовали под Астраханью на подданство России за себя, Дайчина и других калмыцких тайшей. Таким образом, мы видим, что в торгутском правящем доме существовал своего рода «триумvirат» – Дайчин, Мончак и Манжи-Ялбо. Большую роль в определении властных полномочий здесь уже играла поддержка правящей калмыцкой элиты, народных масс и русского правительства. Например, по сообщению татар в Астрахани осенью 1661 г., улусные калмыцкие люди Дайчина и Манжи-Ялбо «ни в чем не почитают и не слушают, а во всем де почитают и слушают Мончака тайшу... и калмыки де и татары владеет он Мончак» [1].

В целях организации нового наступления калмыков на крымском направлении астраханский воевода Г.С. Черкасский 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) созвал русско-калмыцкий съезд. Здесь присутствовали практически все калмыцкие тайши, кроме Манжи-Ялбо, а также ногайские, едисанские, джемболукские и малибашские мирзы. В результате стороны приняли решение – с началом ледостава на Волге отправить новые калмыцкие отряды в Крым. Мончак как глава калмыцкого представительства дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе» [2; 3]. В результате русско-калмыцких переговоров 9 декабря 1661 г. Мончак подписал новый текст шерти, более развернутый по сравнению с июньской шертью. В новой шерти калмыцкие тайши взяли на себя обязательства «с турским султаном и с кызылбашским ханом и с крымским ханом и с азовским беем и с Темрюки и с Табаны и с Бесленейцы и с Кумыки нам тайшам... в ссылке, и в соединенье, и в миру не быть» [4]. Тайши обязались не помогать им оружием и лошадьми, не посылать им в помощь людей. Такие же обязательства были и по отношению к другим «иноземцам», которые «великому государю не послушны» [4]. По мнению В.И. Колесника, таким решением Мончак единолично замыкал на себе все контакты на высшем уровне с северным соседом, оттесняя отца и племянника от очень

важного направления внешней политики [5]. После июньской и декабрьской шертей 1661 г. правительство 12 лет не требовало от калмыцких тайшей их подтверждения, что указывает на вполне достаточную уверенность в калмыцкой военной службе [6; 7].

Единственным из калмыцких тайшей, кто отказался участвовать в дальнейшей войне против Крыма на стороне России, был именно Манжи-Ялбо. Но его антирусские настроения ограничивались не только этим демаршем. Утром 29 декабря 1661 г. под Терским городком появились калмыки из улуса Манжи-Ялбо под командованием Мангуш-Кашки. Они захватили здесь ногайские улусы кейкувата Ямгурчея-мирзы Янмаметева и его брата Сеит-Мамбета. Ввиду того, что указанные ногайские мирзы на тот момент являлись царскими подданными, Г.С. Черкасский срочно сообщил об этом инциденте старшим тайшам. Все это вызвало в среде правящей калмыцкой верхушки полное недоумение, а некоторые попытались даже оправдать молодого тайшу. 18 января 1662 г. в Астрахань прибыл калмыцкий посланец Каши от супруги Мончака – Уралмы. Она сообщила, что люди Манжи-Ялбо захватили ногайских мирз на Тереке, якобы, без ведома своего тайши, а Дайчин «такова дела не хвалит... и на Ялбу тайшу в том добре досадует» [2, л. 36-37]. Внуку пришлось отдать всех захваченных ногаев деду, а тот затем всех их вернул в Астрахань и на Терек [2, л. 48-49].

Дальнейшие действия Манжи-Ялбо показали, что этот эпизод был отнюдь не случайностью. 25 января 1662 г. келечинские татары, находящиеся в подчинении у Манжи, отогнали у юртовских татар из-под Астрахани 500 лошадей. 26 января за 3 часа до рассвета калмыки и татары указанного тайши в очередной раз отогнали скот и лошадей у горожан. Причем их уже лично возглавляли Манжи-Ялбо, мирзы Навруз и Кучюк Алатуевы, Салтанбек Сеитеев и другие. Пришедшие калмыки и татары стояли за рекой Болда в полной боевой готовности. Воеводе Г.С. Черкасскому пришлось вывести практически весь гарнизон города навстречу пришедшим вооруженным калмыкам, демонстрируя им таким образом полную готовность. Но на бой Манжи-Ялбо так не решился и увел войска обратно в улусы. Вооруженные мелкие стычки произошли только в окрестностях города и в большинстве случаев закончились в пользу астраханцев. Сторонники Манжи потеряли часть своих людей убитыми, ранеными и даже пленными. Среди убитых, например, были «чюраский» (возможно, цоросский – В.Т.) тайша Далжин, племянник Дайчина по матери, а также Каракучу с братом (из рода керейт). Некоторые из калмыцких

пленников умерли от ран, другие утонули при бегстве в водоемах. В числе пленных, например, оказался и калмыцкий дархан Чагатай Бахтуев, который был «у Дайчиновой бабки приставлен у костей». Под пыткой он сообщил, что Манжи-Ялбо, находясь под Астраханью с 3-тысячным отрядом, 500 человек отправил в загоны для захвата лошадей и скота. Причиной его столь недружелюбных выходок, как оказалось, было и то, что «от великого государя жалованье и честь менши Мончака тайши, а он, Ялба, таков же, что Мончак тайши». Причем его дед Дайчин и другие тайши и мирзы всячески «унимали его» от конфликта с русскими, но он их не послушал и все сделал по-своему. Мончак в это время в улусах отсутствовал, направившись охотиться за зверем в дальние кочевья [2, л. 60-66].

Узнав истинную причину подобных действий Манжи-Ялбо, воевода Г.С. Черкасский отправил к нему дополнительное жалованье: 2 панциря, 2 соболя шубы, саблю, пищаль, жемчуг, а его мирзам – по шубе и сукну. Но незадолго до этого князь отправил своего племянника Каспулата в улус Мончака с сообщением о событиях, произошедших на Тереке в конце года. 9 января Каспулат прибыл в улус Мончака и до 26 января ждал возвращения с охоты тайши. А уже 4 февраля вместе с К. Черкасским в Астрахань прибыли посланцы Мончака – Малай и Доржи. Тайша очевидно был явно зол на своего племянника, и он откровенно высказал воеводе, что Манжи-Ялбо «зло учинил над ними», а не над русскими. Мончак обещал властям, что после возвращения 500 своих воинов из крымского похода он обязательно предпримет должные меры к своему племяннику [2, л. 36-37, 69-70, 78.].

В документах не прослеживаются подробности разбирательств дяди и племянника, только известно, что в 1662 г. Мончак захватил Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе [8]. Дайчин в это время находился в дальнем походе против чакарских калмыков и, таким образом, ничем не мог помочь своему внуку. Данное событие, видимо, произошло в конце года после русско-калмыцкого съезда в октябре. При передаче своего племянника в Астрахань Мончак и воевода Г.С. Черкасский договорились, «чтоб ево Ялбу без ево Мончакова ведома никому не отдавать». А своим людям Мончак приказал не распространяться на тему, где находится Манжи-Ялбо, а сам он «и впредь не будет и тужить об нем не станет, хотя де он вечно пропадет» [9]. Г.С. Черкасский со своей стороны позаботился о надежной охране молодого тайши в Астрахани и приказал своим людям обходительно относиться к знатному калмыцкому пленнику: «держали честь и ласку, и привет, и береженье большое» [10].

Но весть о нахождении под арестом в Астрахани Манжи-Ялбо быстро распространилась по калмыцким улусам. Первая же реакция Дайчина – незамедлительно освободить внука. Не обладая достаточными для такого мероприятия силами, в январе 1663 г. он пытался склонить хошутского тайшу Кунделен-Убаши и дербетских тайшей к совместному походу под Астрахань для освобождения Манжи-Ялбо. Очевидцы отмечали, что престарелый Дайчин в решении этого вопроса находился под сильным влиянием своей жены Батыр-Каныш, являвшейся матерью покойного Даян-Эрке. Уралма, супруга Мончака, сообщала Г.С. Черкасскому о влиянии на Дайчина группы людей, которые сильно ненавидели ее мужа [9, л. 52, 154]. У Дайчина было несколько жен, но Батыр-Каныш, приходившаяся мачехой Мончаку, являлась старшей супругой. Именно она, как мать Даян-Эрке, и ее сторонники активно выступали за передачу власти внуку Манжи-Ялбо после Дайчина, но эта идея не имела поддержки среди большинства калмыцкой элиты и народных масс.

Мончак также пресек все попытки отца привлечь прибывших дербетов и хошуттов к семейному спору в торгутском правящем доме. Не последнюю роль здесь сыграла и поддержка Мончака его зятем – хошутским тайшой Доржи, старшим сыном Кунделен-Убаши, имевшим влияние на своего отца. Для убедительности Мончак недвусмысленно пригрозил новопривывшим дербетским и хошутским тайшам, что в случае поддержки ими его отца по вопросу Манжи-Ялбо он «надо всеми над ними учинит то ж, что учинил над племянником своим» [9, л. 53, 69]. Хошутские тайши даже дали шерть Мончаку, «что им отца ево, Дайчина, к дурной мысли никакой не пристать» [9, л. 207]. Совместные действия Мончака и Доржи являются ярким свидетельством прихода к власти в ойратском обществе нового поколения политиков, фактически контролировавших ситуацию в своих собственных нутугах (кочевьях), в отличие от формального владения ими отцами.

Мончак полностью контролировал ситуацию, а его люди жили в улусе Дайчина «тайным обычаем» и следили за каждым шагом престарелого тайши. Большинство улусных людей Дайчина также были на стороне его сына и в любом случае не выполнили бы приказ его отца. Мончак отмечал в своих письмах к Г.С. Черкасскому, что «отец ево Дайчин в древних летах, хотя ему и впрямь идти, и у него подъем тяжелый» [9, л. 67]. В случае «неадекватных» действий своего отца тайша обещал собственными же силами быстро окружить отцовский улус и всячески его отговаривать от этой мысли. Если бы ситуация вышла из-под контроля, то Мончак

рассчитывал уже на военную помощь Астрахани [9, л. 207].

Из сообщения Солом-Церена к Г.С. Черкасскому известно и о попытке Дайчина в начале января 1663 г. организовать наступление против Астрахани и Мончака, однако, узнав о свадьбе другого своего внука, Аюки, и племянницы Г.С. Черкасского, Обелханы, отменил поход, сказав, что «непошто ему одною бессильною головою ийти к сильным» [9, л. 76]. Действительно, 6 января в Астрахань за невестой для Аюки, Обелханой Муцаловной Черкасской, прибыли родственники Мончака – Эмчи, Топчи, Доржи и Малай (все из рода керейт). Невесту в калмыцкие улусы провожали кабардинские уздени Чепал с 20 товарищами [9, л. 93-94].

С января месяца Дайчин постоянно отправлял своих посланцев в Астрахань с просьбой вернуть ему внука. Для этого он предлагал взамен выдать всех живущих у него башкирских повстанцев, принять лично русское подданство и ходить с Манжи-Ялбо на войну против Крыма. В противном случае Дайчин угрожал сойтись с крымским ханом и башкирскими повстанцами, подвергнув нападению русские города. Единственными, кто поддерживали престарелого тайшу, были дербетские тайши – братья Аючей (зять Дайчина) и Аюкей. 13 февраля Дайчин вновь пытался двинуться со своими людьми под Астрахань, но, узнав о приближении к его улусу крупных военных сил двух тайшей, сразу же отменил этот поход. Один из его приближенных, лама Эрке, всячески отговаривал Дайчина, мол, «лутче ему ныне беречь своих людей» [11]. В марте отец попытался договориться с сыном, отправив к нему того же ламу Эрке для организации встречи, чтобы напрямую просить содействия в освобождении Манжи-Ялбо [9, л. 82-84, 119, 206]. Из отписки от 15 февраля 1663 г. Федора Омачина из Красного Яра астраханскому воеводе А.Я. Дашкову стало известно о намерении сторонников Манжи-Ялбо захватить в плен для обмена астраханского архиепископа Иосифа во время его поездки в Москву [11]. Однако неизвестно, насколько достоверны были эти сведения.

Действия Мончака против Манжи-Ялбо можно рассматривать не только как ревностное соблюдение заключенных русско-калмыцких договоров, но и как возможность расчистить дорогу к будущей власти для своего сына Аюки. Неудивительно, что брак его сына и племянницы князя Черкасского был еще одним дополнительным козырем в укреплении власти Мончака в калмыцком обществе, поскольку поддержка Москвы имела также ключевое значение. Летом 1663 г. в Сарпинских песках произошла очередная встреча воеводы Г.С. Черкасского с

Мончаком. Здесь также присутствовали хошутские послы Кунделен-Убаши и его сына Доржи, выразившие пожелание принять, как и Мончак, русское подданство. Хошуты готовы были также предоставить свои военные силы и против Крыма. По мнению М.Л. Кичикова, дербето-хошутская группировка Кунделен-Убаши, таким образом, вошла в состав Калмыцкого ханства, признав над собой верховную власть Мончака и Москвы [12]. Но в действительности, судя по русским документам, прибывшие хошуты и дербеты не входили в состав торгутского владения, а располагались рядом на предоставленных торгутами восточных кочевьях. Более того, они так и не приняли участия в крымской кампании. По сведениям В.М. Бакунина, у Кунделена-Убаши и четырех его сыновей по прибытию к торгутам в общей сложности насчитывалось 4 тыс. улусных людей [8, с. 22].

В русских документах не прослеживается дальнейшая судьба Манжи-Ялбо. Но из путевых записок голландского посла Николааса Витсена начала 1665 г. становится известно, что молодого тайшу перевезли из Астрахани в Москву. Под видом купца Н. Витсен проник в охраняемый стрельцкой стражей двор Манжи-Ялбо, названного голландцем *Тайчжи Йалба Доис*, и затем описал довольно любопытную встречу с ним: *«Тайчжи - человек очень некрасивый, коричневатого-желтый, с плоским широким лицом, лоб у него высокий, черные волосы, сзади коса. Он протянул нам руки, посадил нас и сразу собственноручно подал нам два раза чашу. Его уже одели по-русски... В комнате, где мы сидели, стало очень жарко; он снял шубу, обнажил грудь и бесстыдно чесался при нас; его тело и лицо в прыщах... Этот правитель, который у себя на родине может привести на поле боя 30 тысяч человек, теперь был предан своим дядей и с его коварной помощью вывезен русскими из своей страны во время боя. Здесь его держат как пленного; он же, говорят, предлагает царю все, что у него есть, за что будет пожалован титулом князя-царевича. Может быть, он примет русскую веру, иконы уже висят в его комнате, он уже умеет креститься, и тогда он станет русским придворным, подобно другим крещеным татарским князьям... Тайчжи - это его титул, что означает как бы главный управитель; его имя - Йалба, а Доис - имя его отца. Прежде он имел другое имя (Манжи – **В.Т.**), но он все время болел и, считая, что причиной болезни является имя, переименовал его. На некоторые вопросы он отвечал, что еще молод и мало что слышал. «Наша страна, - сказал он, - простирается до страны Могола», думаю, что он имел в виду хана [Монголии], а эта страна простирается до Китая; сказал, что его отец и дед с этим же Моголом были в Китае... Он показал мне свою мест-*

ную письменность в продолговатой молитвенной книжечке, тщательно написанной; они читают и пишут, как у нас... Он завернул свои книжечки в платок и обмотал их лентой, очень крепко, крест-накрест. Бумага похожа на ту, которую привозят из Турции. Под его правой рукой висела на кожаном ремешке коробочка, где он хранил свиток своих молитв, который ежедневно вынимал, и, держа в руках прямо перед головой, стоя на коленях, 9 раз кланялся до земли... На мой вопрос о его вере он ответил, что молится Богу, который наверху; не знал он ни о Христе, ни о Магомете. У него были с собой странного вида четки, в виде мелких бусинок, по которым он отсчитывал молитвы Богу...» [13].

По всей вероятности, Манжи-Ялбо, находясь в московском плену, в конечном итоге, видимо, был вынужден принять православие и закончить свою жизнь на чужбине. Тот же Н. Витсен свидетельствовал, как врач-иностранец вылечил молодого тайшу, которого царские приставы уверяли, будто его болезнь случилась от тоски по родине, и что если он хочет вылечиться, то не должен тосковать. Приходя к Манжи-Ялбо, доктор часто заставлял его за молитвой; сидя на полу, он читал какие-то листки, похожие на игральные карты, и щелкал пальцами «назло дьяволу» [13, с. 167].

В результате кратковременной борьбы закончился относительно бескровный переход власти в торгутской правящей семье Дайчина от династической линии Даян-Эрке в лице Манжи-Ялбо к линии Мончака. Последний, являвшийся только третьим по старшинству сыном Дайчина, благодаря умелым политическим действиям сумел закрепить за собой первенствующее положение в торгутском доме и обеспечить условия для будущего правления своего старшего сына Аюки. Сложившаяся в начале 60-х гг. XVII в.

обстановка ясно показала и расклад политических настроений национальной элиты, народных масс и царского правительства в определении центральной фигуры в калмыцком обществе. Вместе с этим произошла и смена поколений среди калмыцких политиков, определившая дальнейшую ойратскую историю в последней трети XVII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. (1661 г.) Д. 1. Л. 56.
2. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. (1662 г.) Д. 1. Л. 52–53.
3. Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 107.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 540–541.
5. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. С. 87.
6. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 79.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР: до-октябрьский период / под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967. С. 122.
8. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995. С. 23.
9. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. (1663 г.) Д. 1. Л. 7, 59, 81.
10. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. (1665 г.) Д. 2. Л. 93.
11. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 178. Д. 4538. Л. 1.
12. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 129–130.
13. Витсен Николаас. Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 200.

ББК 67.400

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАЛМЫКИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е.А. Гунаев

Статья посвящена истории государственных символов Калмыкии (флага, герба, гимна) с 1917 г. по настоящее время. Рассматриваются также политико-правовые аспекты назначения государственной символики субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: символы, флаг, герб, гимн, Калмыкия.

The article is devoted to the history of the state symbols of Kalmykia (the flag, the emblem and the anthem) from 1917 till the present days. Political and law aspects of the purpose of the regional state symbols are also considered.

Keywords: symbols, flag, emblem, anthem, Kalmykia.

Государственные символы Калмыкии как субъекта Российской Федерации – это ее флаг, герб и гимн [1]. В 1917 г. после Февральской революции была создана Степная область кал-